

Только-что разгорѣлся огонь въ очагѣ, какъ Джонъ схватился Китти. На его едва выговоренный отъ страха вопросъ, жена его въ безмолвномъ ужасѣ остановила на немъ глаза — оба поняли, что любимое ихъ дитя погибло въ страшномъ снѣжномъ буранѣ.

Валивъ такой густой снѣгъ, ночь была такъ темна, что ничего нельзя было разглядѣть въ трехъ шагахъ, однако Джонъ сдѣлалъ попытку пробиться впередъ по маленькой тропинкѣ, такъ какъ онъ догадывался, что Китти пошла по этому направлению; но все вокругъ было покрыто глубочайшимъ снѣгомъ, и Джонъ скоро самъ сбился съ дороги. Бродя на удачу, по поясь въ снѣгу, онъ съ ужасомъ громче и громче кричалъ дорогое имя, но скоро онъ самъ не зналъ ни гдѣ онъ, ни куда онъ идетъ. Проведя въ такомъ отчаянномъ состояннѣ часа два, выбившись изъ силъ, онъ въ счастьи очутился около какого-то дома; отъ усталости онъ едва передвигалъ ноги, вѣтеръ нанесъ его на домъ—и онъ вдругъ увидѣлъ свою жену лозавицу въ отчаяннѣ руки. Онъ словно обезумѣлъ отъ страха и горя. Ссора съ Бертонномъ, не дававшая ему спать ночи, сверхъестественныя усилія послѣднихъ двухъ часовъ совершенно истощили его силы; онъ упалъ на порогъ своей двери въ полнѣйшемъ изнеможеннѣ. Къ его счастью его не понесло на прерію, гдѣ его бы ждала вѣрная гибель, какъ это случилось не съ однимъ измученнымъ путникомъ въ эту ужасную ночь.

Жена Джона ждала его возвращенія въ безумномъ страхѣ; она по нѣскольку разъ сверху до низу обыскивала блокгаузъ; мучительная тоска гнала ее изъ дома, чтобы посмотреть еще вездѣ около дома. Все напрасно. Вдругъ въ комнату вошелъ ей мужъ съ замороженными руками и ногами, измученный до смерти. А на дворѣ бушевала и ревѣла бѣшеная буря; казалось она сейчасъ снесетъ блокгаузъ, и только съ большимъ трудомъ можно было поддерживать въ очагѣ огонь, едва достаточный для того, чтобы убитые горемъ родители не замерзли отъ холода.

Бертонъ почти весь этотъ день не отходилъ отъ спорныхъ сорока десятинъ, съ твердой рѣшимостью подстрѣлить Джона, какъ только тотъ покажетъ свой носъ. Онъ ничего не слышалъ о прибытнн семейнаго прежняго своего товарища, и думалъ, что его врагъ изъ трусости боится показаться ему на глаза, или спрятался гдѣ нибудь въ кустахъ, чтобы оттуда неожиданно напасть на него. Вслѣдствіе этого, Бертонъ былъ очень остороженъ, однако буря заставила его идти наконецъ домой. Онъ попробовалъ отыскать тропинку, ведущую къ его блокгаузу, но тщетно. Не будь онъ такъ закаленъ всѣми суровостями жизни тамъ, на далекой окраинѣ цивилизаціи, то онъ навѣрно бы погибъ на разстоянн ружейнаго выстрѣла отъ своего собственнаго дома. Однако, благодаря нечеловѣческимъ усиліямъ, онъ удержалъ направленіе, какъ вдругъ ему послышался слабый крикъ, и подъ самыми его ногами поднялось что-то все покрытое снѣгомъ и сейчасъ же опять упало въ снѣгъ. Онъ ужъ поднялъ ружье и готовъ былъ спустить курокъ, какъ снова послышался тотъ же крикъ—такъ похожій на человѣческій, что онъ опустил ружье и осторожно наклонился къ тому мѣсту, откуда онъ выходилъ.

Онъ нашелъ маленькаго ребенка. Бертонъ не могъ припомнить, видѣлъ ли когда такого маленькаго ребенка у кого нибудь изъ немногихъ поселенцевъ въ этой странѣ. Но разсуждать было некогда; онъ зналъ очень хорошо, что ему надо напрямъ всѣ силы, чтобы найти крышу себѣ и ребенку, не то оба они должны будутъ замерзнуть. Поэтому онъ, не раздумывая, взялъ безпомощное дитя на свои сильныя руки, и сталъ пробираться

дальше черезъ глубокія снѣжныя массы. Ребенокъ положилъ свои дрожащія руки на его зарубѣлую шеку и пролепеталъ «папа!» Бертонъ крѣпче прижалъ его къ себѣ, и продолжалъ бороться съ гуще и гуще падающимъ снѣгомъ, мужественнѣе, чѣмъ прежде.

Наконецъ онъ нашелъ свой блокгаузъ. Маленькое существо въ его рукахъ почти совсѣмъ околѣбло; онъ завернулъ ребенка въ теплый буйоловый мѣхъ, и посиѣнно затопилъ очагъ. Когда хижина немного обогрѣлась, онъ взялъ ребенка къ себѣ на колѣни, опустил ея замороженные пальчики въ холодную воду и спросилъ, какъ ея зовутъ.

«Китти», отвѣчала она.

«Китти, а дальше какъ? Чья ты Китти?»

«Твоя Китти». Такъ какъ она очень мало видѣла своего отца, то приняла Бертонъ за отца.

Бертонъ не спалъ всю ночь; онъ все подкладывалъ дровъ, чтобы не сводить огня. Ему никогда не приходилось обращаться съ дѣтми, и онъ воображалъ, что маленькое созданнѣ непременно замерзнетъ, если въ комнатѣ не будетъ огня. Такъ какъ и весь слѣдующій день буря нисколько не унималась, и поэтому онъ не смѣлъ еще видѣти отыскивать родителей найденной крошки, и оставилъ ее одну, то онъ то и дѣло набивалъ печку дровами, смѣлся надъ забавной дѣтской болтовней дѣвченокки и кормилъ ее ветчиной и хлѣбомъ, и пилъ кофеемъ.

На второй день бури наконецъ утихла. Было почти 30 градусовъ мороза, но такъ какъ Бертонъ понималъ, что родители ребенка считаютъ его погибшимъ, то онъ съ величайшею заботливостію завернулъ его въ одѣяла и мягкія шкуры и кое-какъ дошелъ до перваго сѣзда.

«Это Джоновъ ребенокъ», сказала хозяйка.—«Я видѣла какъ вчера его вынимали изъ экипажа».

Бертонъ, въ изумленнѣ, на минуту неподвижно вытаращилъ глаза на Китти. Наконецъ, онъ опять закуталъ ее и пошелъ прочь, «шагая точно сумасшедшій», какъ говорила потомъ хозяйка, смотрѣвшая ему въ слѣдъ.

Когда онъ вошелъ къ Джону, то нашелъ его и его жену убитыми отчаяннѣмъ; они сидѣли передъ огнемъ, туло устремивъ въ него глаза. Они почти не замѣтили его прихода. Надежда найти свое любимое дитя живымъ—покинула ихъ; они считали его погребеннымъ подъ однимъ изъ множества нанесенныхъ снѣжннхъ сугробовъ, и надѣялись только на печальное свиданіе весной, когда растаютъ глубокіе снѣга.

Когда усталый Бертонъ поставилъ свою ношу на землю, раскуталъ маленькую Китти и сказалъ: «вотъ, Джонъ, ваша Китти», изъ стѣсенной материнской груди вырвался громкій крикъ. Но Джонъ вскопчилъ на ноги, схватилъ руку своего стараго товарища и нетвердымъ голосомъ проговорилъ: «Бертонъ, старый товарищъ!» Потрясенный внезапной переменной своихъ чувствъ, онъ снова упалъ на стулъ и громко зарыдалъ, давъ полную волю слезамъ. Бертонъ опять завелъ рѣчь: «Джонъ, старый товарищъ! Возьми себѣ эти сорокъ десятинъ. Мнѣ просто страшно подумать, что я чуть было не сдѣлался убійцей отца нашей маленькой Китти».

Джонъ быстро поднялся съ мѣста и воскликнулъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Оставь ихъ себѣ. Я сдѣлаю законный актъ, по которому ты будешь единственнѣмъ владѣльцемъ этого участка».

Такъ онъ и сдѣлалъ, но Бертонъ подарилъ землю Китти. Съ тѣхъ поръ это мѣсто такъ и называется: «Сорокъ Киттинныхъ десятинъ».

Народы Россіи.

XXV. Кавказскіе татары.

Между народами Кавказа, о которыхъ я уже говорилъ въ «Нивѣ», самое незамѣтное мѣсто безспорно принадлежитъ Татарамъ; здѣсь ихъ насчитываютъ немного болѣе ста тысячъ. Живутъ они, по преимуществу, въ Ставропольской губерніи и въ юго-восточномъ Закавказьи. Первые носятъ общее названіе «степныхъ татаръ», а вторые дробятся на три незначительныя племена: «кумыкское», «трухменское» и «ногайское». «Степные татары» ведутъ жизнь кочующую, переходятъ съ своими стадами съ мѣста на мѣсто и по образу жизни очень сходны съ киргизами или калмыками, рядомъ съ которыми они живутъ на кочевкахъ. «Закавказскіе татары», наоборотъ, предпочитаютъ городскую жизнь степенной и охотно пріобрѣтаютъ разную недвижимую собственность,—нетолько подражая въ своей жизни Персамъ, но даже заимствуя отъ нихъ моду на носеніе платья и въ особенности мѣховыхъ шапокъ. Поэтому и живутъ татары въ ближайшихъ провинціяхъ къ персидской границѣ; такъ напримѣръ, города Куба, Шемаха, Баку, Шуша—это, можно сказать, главнѣйшіе пункты облюбованные татарами. Тутъ имѣютъ они свои отдѣльныя части города, гдѣ кромѣ нихъ никто уже не поселяется; а нѣкоторые изъ нихъ, конечно, изъ бекскихъ (дворянскихъ) родовъ, владѣютъ значительною собственностію,

состоящую изъ городскихъ домовъ и въ особенности изъ близлежащихъ фруктовыхъ садовъ, шелковичниковъ, виноградниковъ, и пр. и пр.

Дома богачей отдѣланы съ чисто-восточною роскошью. Вотъ какъ описываетъ ихъ одинъ путешественникъ: «Въ залахъ карнизы у потолка нерѣдко покрыты золотыми арабесками по голубому и красному фону; въ нишахъ, которые сдѣланы въ стѣнахъ въ видѣ украшенія, лежитъ по нѣскольку свернутыхъ постелей виѣсть съ одѣялами, которыя вечеромъ развертываютъ на коврахъ, для того чтобы онѣ всегда были готовы къ услугамъ случайныхъ гостей. Между нишами развѣшено великолѣпное оружіе. Отъ пола и до высоты человѣческаго роста, стѣны покрыты коврами. Стѣнныя зеркала состояются изъ маленькихъ, съ шифровкой по краямъ, расположенныхъ въ общей рамѣ на персидскій манеръ. Деревяныя этажерки, росписанныя яркими красками, заставлены множествомъ фарфоровыхъ чашекъ и другими бездѣлушками китайскаго и персидскаго происхожденія. Наконецъ, тамъ и сямъ видѣются великолѣпныя сѣри и два или три сѣдла, вышитыя золотомъ съ рѣдкимъ искусствомъ и безконечнымъ терпѣннѣмъ».

Но большинство ихъ, т. е. масса населенія, страдаетъ отъ

бѣдности и еле-еле перебивается. Впрочемъ, надо замѣтить, открыто на свою судьбу они не рошцуть *), ибо кажется сами сознають, что они же главнымъ образомъ и виноваты въ своей бѣдности. И дѣйствительно: восточная лѣнь и любовь къ кейфу настолько отвратили татаръ отъ правильного труда, что каждый «правовѣрный» (если только онъ не торговецъ) скорѣе согласится кушать одну зеленъ и ходить въ рубищахъ, нежели работать и какъ слѣдуетъ трудиться—это во первыхъ; а во вторыхъ, слѣпо повинувшись буквѣ магометанства и потворствуя своимъ страстямъ, татары женятся обыкновенно (какъ и персы) очень рано, притомъ на нѣсколькихъ женахъ разомъ—такъ что у cadaго изъ нихъ является очень быстро огромная семья, содержать которую безъ средствъ и безъ усиленнаго труда дѣлается почти невозможнымъ, тѣмъ болѣе что женщины сидятъ въ заперти, никому не показываются и противъ воли тунеядствуютъ... Отсюда является бѣдность и—какъ спутница ея—такая страшная неоприятность, какая встрѣчается развѣ только у персовъ, которыхъ по справедливости считаютъ на Кавказѣ истинными врагами всякой чистоты и опрятности... Такимъ образомъ, закавказскіе татары почти во всемъ главномъ сходятся съ персами; за исключеніемъ, впрочемъ, единственнаго и весьма замѣтнаго качества: персы очень робки и чрезвычайно деликатны въ обращеніи; татары, напротивъ, грубы и дерзки. И что, между

прочимъ, достойно замѣчанія: въ городахъ гдѣ преобладають, хотя количественно, персы и гдѣ достаточно русскаго населенія, какъ напримѣръ въ Баку,—тамъ татары несравненно скромнѣе, чѣмъ ихъ же кровные братья напримѣръ въ Кубѣ, гдѣ между татарами терются русскіе и персіане. Поэтому въ Шемахѣ, въ Шушѣ или въ Баку еще возможно увидать, хоть и не часто, татарина или малаго татарченка за работою; тогда какъ въ Кубѣ это уже величайшая рѣдкость. Наконецъ, въ Баку татары по немногу принимаютъ наши высшія привычки и даже нѣкоторые изъ нихъ не брѣютъ иногда дѣтямъ головы; въ Кубѣ же этого нѣтъ: тамъ татары—все бритые, все важные-преважные, постоянно свуютъ по городу безъ дѣла или возлезаютъ въ садахъ или просто на улицахъ, распѣвая свои пѣсни, лишенные всякой мелодіи; хотя языкъ татарскій напоминаетъ музыкальнѣйшій языкъ въ мірѣ—итальянскій и даже отчасти, по замѣчанію Гильденштедта, испанскій и португальскій.

Остается для полноты очерка сказать, что татары одѣваются вообще по азіатски *), а духовные ихъ лица носятъ болѣе простое платье, безъ всякихъ воинственныхъ доспѣховъ, замѣняя вмѣстѣ съ тѣмъ высокую баранью шапку чалмою изъ бѣлой матеріи. Лица эти, пользуясь извѣстнымъ уваженіемъ, держать себя еще важнѣе.

В. Сафоновъ.

АНГЛІЙСКІЙ СОЛДАТЪ.

Каждый англійскій солдатъ — «волонтеръ». Это звучитъ очень пріятно, не правда ли? Онъ идетъ въ военную службу не «по повелѣ». Однако же это добровольно желаніе весьма условно, такъ какъ «волонтеръ», только испытавъ всевозможныя житейскія поприща и на всехъ ихъ потерѣвъ полнѣйшее крушеніе, рѣшается наконецъ, и то скрѣпя сердце, идти на «королевинъ шиллингъ». Этими онъ болѣею частью сжигаетъ свои корабли. Полное презрѣніе англійскаго общества, даже низшій классъ, смотритъ на него неблагоприятно, потому что въ ихъ глазахъ онъ пересталъ быть личностью, пользующеюся всеми правами свободы.

Появленіе «красныхъ мундировъ» въ вагонѣ желѣзной дороги или въ харчевнѣ—часто выгоняетъ оттуда мирныхъ мѣщанъ. Даже въ парламентѣ одинъ военный министръ выразился развѣ, что бѣдныхъ рекрутовъ «сметаютъ, какъ изъ уличнаго сора». Все эти мѣткія жестоки и несправедливы; изъ исторіи мы видимъ, что какъ скоро война имѣла патриотическую цѣль, подъ знамена добровольно шли не одинъ тѣ, кого принуждалъ тяжелый гнѣтъ борьбы за существованіе. Разумѣется, нельзя сравнивать англійскаго солдата съ русскимъ. Въ такомъ сбродномъ, наемномъ войскѣ, не можетъ быть того единодушія, того энтузіазма, какъ тамъ, гдѣ каждый стоитъ рядомъ съ своимъ братомъ и каждый готовъ «костью лечь» за матушку Россію и за православную вѣру. Тѣмъ не менѣе, англійскіе солдаты, какіе бы они ни были, «вербованные», «наемные» или даже «сметенные изъ уличнаго сора», — дерутся хорошо и отличаются храбростью, особенно шотландцы и ирландцы. Это доказали войны въ Индіи и Китаѣ. Между тѣмъ, надо замѣтить, что въ англійской арміи солдатъ также не имѣетъ никакихъ шансовъ на повышеніе; въ мирное время онъ не можетъ дослужиться болѣе какъ до сержанта, а въ военное, очень рѣдко, въ какомъ нибудь исключительномъ случаѣ, можетъ получить чинъ выше этого.

Только два года, какъ въ англійской арміи отмѣнена покупка офицерскихъ чиновъ. Прежде каждый чинъ имѣлъ свою таксу, доходившую до нѣсколькихъ тысячъ. Выходившій въ отставку продавалъ свой офицерскій патентъ, стараясь сдѣлать это какъ можно выгоднѣе для себя. Этими «дѣлами» занимались производные агенты съ той и съ другой стороны. Про солдата же можно съ достовѣрностью сказать, что онъ ни подъ какимъ видомъ не носитъ въ своемъ ранцѣ маршальскаго жезла, какъ наполеоновскіе гренадеры «великой арміи». Повышеніе изъ нижнихъ чиновъ въ офицерскіе немислимо. Такіе примѣры какъ возвышеніе Гавелона, спасшаго для Англій Остъ-Индію—исключеніе. Это и могло случиться только вслѣдствіе необходимости минуты и притомъ только въ колоніи, за много тысячъ миль отъ закоренѣлой въ сословныхъ предразсудкахъ метрополіи.

Полный составъ англійской арміи только и поддерживается бѣсрабаною вербовщиною. «Два фунта стерлинговъ карманныхъ денегъ — и красный мундиръ» — вотъ что выбиваетъ барабаны, проходя Англію, Шотландію и Ирландію, отъ населенныхъ рыбаками Гебридскихъ острововъ до южной оконечности Корнваллиса, гдѣ живутъ въ хижинахъ, имѣющихъ подобіе пещеръ,

стойкіе, мрачные потомки береговыхъ разбойниковъ и сильные рукокопы. Тамъ, гдѣ по дорогамъ стоятъ на каждомъ шагу кабаки,—гдѣ пріютилась нищета съ своими слезами и дѣти ходятъ въ такихъ лохмотьяхъ, что ихъ нанимають служить чучелами на пшеничныхъ поляхъ,—гдѣ господствуетъ англійскій джизнъ, шотландскій портеръ и ирландская виски,—тамъ навѣрное не долго ждать вербовщика. Ужъ онъ тутъ въ «красномъ мундирѣ», или, чтобъ лучше удалась хитрость, въ статекомъ платьѣ. Хитрость и спаванье—самые дѣйствительные помощники вербовщика, который побрикуваетъ червонцами, угощаетъ всехъ «даромъ», сыплетъ неистощимыми анекдотами, ухаживаетъ за матерями, росписываетъ невѣтъ какъ ея возлюбленный вернется къ ней капитаномъ въ разинтомъ золотомъ мундирѣ, жетъ направо и на-лѣво, даетъ вѣщескія клятвы, и мастеръ позабавить народъ. «Жизнь—это танецъ; солдатская служба—полонезъ»; вѣдь ужъ кому жъ лучше знать, какъ не ему! тостъ за тостомъ, брудершафтъ за брудершафтомъ — «Гинг! гинг! Ура!» Шиллингъ тихонько сволзигитъ въ руку—и птичка поймана. Вербовщикъ сдѣлалъ свое дѣло.

На слѣдующее утро, Томъ или Джекъ просыпается съ жестокой головной болью и съ недоумѣніемъ смотритъ на красную съ синимъ и бѣлымъ кокарду, которую во время вчерашняго кутежа прикололи къ его фуражкѣ состояція на официальномъ жалованьи женщины. У него нѣтъ денегъ, чтобы выкупиться. Его ведутъ къ доктору, осматривающему его мускулы и члены, потомъ къ присягѣ, а черезъ недѣлю и на корабль—и отправится онъ черезъ все лихорадочныя станицы, въ Вестъ или Остъ-Индію или Америку. Если рекрутъ на другіе сутки убѣжитъ и спрячется у своей матери, это ему нисколько не поможетъ. Вербовщикъ явится къ нему съ тремя солдатами, разшеть его гдѣ бы онъ ни былъ, наложитъ ему ручные кандалы—и онъ будетъ присужденъ къ плети, такъ-называемой «девятыхвостной кошкѣ», съ девятью узлами на каждомъ хвостѣ. Ему аккуратно отсчитаютъ 81 ударъ, а не то такъ припалать и желѣзомъ. И тогда прости - прощай, на многие годы.

Шагахъ въ двухстахъ отъ зданія парламента въ Вестминстерѣ есть одна улица, называемая Карлстритъ. Тамъ, около гвардейскихъ казармъ, въ безчисленныхъ пивныхъ, кишатъ вербовщики. Ихъ легко узнать по краснымъ съ бѣлымъ и синимъ лентамъ, развѣвающимся на надѣтыхъ на бекрень шапкахъ, и по тростниковой палкѣ, этомъ знаменательномъ признакѣ—ихъ достоинству, такъ какъ военные не имѣютъ права носить оружіе, являе какъ при непосредственномъ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Но болѣе всего изобличаетъ ихъ удалая наружность, жирное красное лицо, веселыя остроты и лукавое похлопыванье по плечу всякаго, у кого замѣтятъ не синимъ тонкое бѣлье, но за то прямые ноги и сильные члены. Звонъ стакановъ, пѣсни и смѣхъ въ сосѣднихъ кабакахъ, доказываютъ, что никогда не бываетъ недостатка въ жертвахъ.

Стройные молодчики постунають въ гвардію, которая состоитъ изъ трехъ пѣхотныхъ и трехъ кавалерійскихъ полковъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ 1-й и 2-й лейбъ-гренадерскій полки и королевская конная гвардія, имѣющая синюю форму, почему конногвардейцевъ и называютъ «синими». Пѣхотные полки сутъ:

*) Конечно, и не считая работомъ тѣхъ слушавъ, когда татары выходятъ съ пожами на большую дорогу; а это—хоть рѣдко, но за ними водятся, только не въ Бакинской губерніи.

*) Костюмъ азіатскій уже извѣстенъ читателямъ „Нивы“ изъ предыдущихъ лѣтъ.

G. MORAND.

Вечеръ у закавказскаго татарина. Рис. и грав. Моранъ.